

Автор - Виталий Мамай, Бат Ям (Израиль).

Закат Европы

Какие краски, боже мой, какие кисти!
Как галеон, что чудом выжил при конкисте,
грузёный золотом, под мерное стаккато
прибойных волн плывёт на заднике заката
большое облако, темнеет, иссякая,
пространство с севера на юг пересекая,
плывёт бесснежною, безветренной зимою,
плывёт по греческому Средиземноморью.
Какое время, боже мой, какие нравы!
Кинжалы боле не в ходу, плащи, отравы,
иное в моде амплуа, другая роль... Да,
прошли те дни, где воин был важней герольда,
где лучник был стократ ценней жреца-проныры,
не те красавицы пошли, не те турниры,
и что осталось в этой эре безлошадной,
как не бездумно созерцать, скажи, глашатай...

Какие ритмы, боже мой, какие ноты!
Язык становится сухим, ушли длинноты,
никто не ниже больше бусы да мониста,
зануда-писарь напроць выжил романиста,
удел стареющих шутов теперь не в схиме,
их выбирают королями шутовскими,
но что над этим горевать, судьбу итожа...
Остались те же облака, и море то же,
солёный воздух, рваных мыслей ахинея,
и солнце снова тонет где-то в Пиренеях,
и что ему до наших войн, до кривды-правды...
Невольно в голову взбредёт, что Шпенглер прав был,
что все пути предрешены, ходы и тропы,
и это всё-таки закат... Закат Европы.

Никогда не кай

Никогда не кай-
ся, не сникай,
слёз не пока-
зывай, ни пока,
ни после,
осмотрительней зверя лесного
будь. Все повторится снова –
вифлеем, ясли,
отсвет далёкой звезды и мысли,
что вы зависли
в эру навек наставшего рождества.
Всё - слова,
заунывное пение да трава,
никакого ни тела, ни естества,
омм, омм, омм,
и порядок заученных аксиом
не меняет итог,
не производит ток,
врёт, как распоследний вциом,
и опять на исходе года,
как послушная добрая герда,
отпускай, проглатывай, потакай...
Он никогда не кай.

Июнь

Город большая сцена, в городе тридцать один в тени,
кто бы ты ни был, механик светила, действуй, закатывай, не тyani,
бог ты, творец, судия ты, неважно, да хоть и чёрт,

только крути лебёдку, иначе город расплавится и стечёт
в море, дымящийся, будто в плоской посудине огненная руда.
Морю давно не впервой проглатывать города,
море не мы, оно не мечтает на несколько лет вперёд.
Море однажды навечно все города отберёт,
но в этот вечер оно котёнком - трогателен, но резв -
ластится к берегу, тихо мурлычет, трётся о волнорез,
неторопливый бриз треплет радужный флаг над кафе "Ханой",
солнце меняет угол атаки, красит фасады хной,
время бежит быстрее, как ни гонись за ним,
время съедает не только нас, но, видимо, и деним,
ибо шорты на девушках, загорелых и всесезонных,
с каждым летом короче, и скоро ходить без оных
будут, или от шорт останется только пояс...
Девушки, впрочем, ходят, не беспокоясь,
так, как они, улыбается только счастливая голь и юнь...
Город большая сцена. На сцене идёт июнь.

